

СТАРАЯ ГВАРДИЯ

Юрий ВЛАСОВ

93-й. ГОД ВЕЛИКОГО ПОРАЖЕНИЯ

Всем воинствующим мещам,
вопреки ощущению власти богатства,
в октябре 1993-го стреляли не в людей —
стреляли в Россию. Озверели солдаты
и милиция стреляла в Русь.

Самые чистые и лучшие вали. Судьба ее
теперь — быть разодранной на куски, жить
с заткнутым ртом, хрипеть, терять память,
все еще проминаться страхом
и умирать, умирать....

Юрий Петрович Власов

93-й. Год великого поражения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17077920

Аннотация

В данной книге представлены общественно-политические статьи и выступления Ю.П. Власова за период от конца 80-х до середины 90-х годов.

В них отражается обстановка, которая была в стране в то время, ясно видны предпосылки событий 93-го года. Анализируя их, автор приходит к обоснованному выводу о том, что, по сути, они явились буржуазной контрреволюцией, «революцией богатых против бедных», и окончательно похоронили надежды на лучшее будущее для России и народа при существующем политическом строе.

Содержание

От редакции	4
Часть I. До 1993-го...	5
Мы подошли к критической точке своего развития	6
На критической отметке	11
Почему я вышел из КПСС	16
Россия прорвется в будущее	18
Интервью для российского радио в конце ноября 1991 года	21
Сумерки демократии	27
Гроб напрокат	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Юрий Власов

93-й. Год великого поражения

От редакции

Ю.П. Власов всегда был в центре борьбы – спортивной, литературной, политической, – которая определялась одной великой целью: служением своей родине. Он добывал для России золотые медали на мировых первенствах, возвеличивал ее в своих книгах, страстно сражался за нее на политических ристалищах.

В годы перестройки он активно выступал против засилья партийной бюрократии, видя в нем корень многих бед, постигших нашу страну. Но, в отличие от многих других борцов с партийной номенклатурой, с бесконтрольностью бюрократического аппарата, Власов не призывал к уничтожению всей советской системы и положительных завоеваний социализма. Для настоящего русского патриота Россия неотделима от ее народа, поэтому, призывая к реформам, Ю.П. Власов постоянно подчеркивал, что они должны проводиться таким образом, чтобы положение простых людей улучшалось, а не ухудшалось в ходе преобразований.

Однако устремления российских реформаторов в начале 90-х годов оказались направлены совсем в иную сторону. Беспрецедентное в нашей истории разграбление национальных богатств государства так называемыми «демократами» вызвало бурный протест Власова, и он уже осенью 1991 года точно предсказал, что эта власть приведет к обнищанию подавляющего числа населения страны, к ослаблению могущества державы, к зависимости ее от Запада.

С той поры Ю.П. Власов стал непримиримым противником правящего режима; все попытки властей заставить его свернуть с пути сопротивления окончились ничем. В 1993 году Ю.П. Власов решительно поддержал выступление Верховного Совета против Ельцина и криминальной политической системы лжедемократов. Поражение Советов в тех кровавых событиях Власов воспринял как личную трагедию, но не сломился и продолжил свою трудную борьбу за возрождение России, за достойную жизнь.

В данной книге представлены общественно-политические статьи и выступления Ю.П. Власова за период от конца 80-х до середины 90-х годов. В них отражается обстановка, которая была в стране в то время, ясно видны предпосылки событий 93-го года. Анализируя их, автор приходит к обоснованному выводу о том, что, по сути, они явились буржуазной контрреволюцией, «революцией богатых против бедных», и окончательно похоронили надежды на лучшее будущее для России и народа при существующем политическом строе. Отголоски 93-го года слышны и поныне, поэтому книгу Ю.П. Власова по праву можно назвать злободневной и интересной для всех истинно русских людей.

Часть I. До 1993-го...

Журнал «Советский цирк», 4 мая 1989 г., № 18

Мы подошли к критической точке своего развития

«Тяжкие ошибки прошлого, то, что породило кризис, – это прежде всего бесконтрольность власти, ее независимость от народа. Между тем цивилизация выработала защиту против застоя, деспотии, коррупции, всевластия охранных органов, обеспечив демократический отбор людей на любых уровнях государственной власти, уничтожив благоприятную среду для возможных беззаконий, возникновения различного рода культов и культиков.

Нельзя разрешать ни одного вопроса – от местного до государственного уровня – без создания правового демократического государства. Без подкрепления законами все благие пожелания, связанные с перестройкой, окажутся лишь словами и полумерами.»

(Из выступления Ю. Власова перед избирателями Люблинского района)

– Закономерно, что первый вопрос к кандидату в народные депутаты связан с его программой. Но недавнее выступление в «Огоньке» народного депутата СССР режиссера Марка Захарова показало, что у кандидата может и вовсе не быть строгой программы.

Считаете ли вы четко изложенную программу необходимым аксессуаром предвыборной борьбы?

Программа нужна, но я противник лобового толкования этого понятия: вот, дескать, изберем такого-то депутата, и он примется увеличивать пенсии, закрывать атомные электростанции, продавать дешевую колбасу и так далее. Для меня функции программы иные: представить избирателям нравственный и политический портрет кандидата. Это позволит ориентироваться, какую позицию депутат займет при обсуждении тех или иных вопросов в парламенте. Впрочем, программы кандидатов сейчас часто похожи, как две капли воды, у одного, может быть, чуть резче, у другого – мягче. Но люди за ними стоят разные.

Избиратели, например, ревностно относятся к тому, чем занимался кандидат при режиме Брежнева, был в фаворе или гоним. Но и это – близорукий взгляд, хотя кандидату, включившемуся в борьбу, нужно считаться и с ним.

– Не кажется ли вам, что сегодня сложился определенный алгоритм успеха кандидата: чем больше разрушительного пафоса в речах, тем больше шансов на успех?

– Это закономерно. Все ждут перемен. Я четко уяснил, что тот, кто говорит искренне о пороках нашей системы, кто знает и понимает, что она исключает свободу в истинном значении этого слова, и кто сам хлебнул этих «свобод», тот находит поддержку у народа.

Я вижу несколько причин такого отношения. Ухудшающееся экономическое положение. Оно все сильнее революционизирует народ. И потому даже очень далекие от сегодняшнего дня призывы находят поддержку. Второе: наступил кризис идеологии. Это ясно подтверждается на тех собраниях, где мне довелось выступать. Люди стали стесняться называть себя коммунистами. В скрытой и открытой форме подвергаются сомнению принципы социализма. Часть коммунистов в своих прогрессивных программах уходит очень далеко, а часть остается на знакомых до боли позициях: душить и не пущать. Я четко вижу в партии эти два крыла. И еще – кризис межнациональных отношений.

Люди, разные по убеждениям, мировоззрению, традициям, нравам, вынуждены вариться в узких рамках заданной идеологии. По-прежнему происходит раздвоение личности, удушающая и изнурительная борьба с самим собой. Это поддерживается страхом перед возможными репрессиями, возврат которых не исключает никто.

– В своей речи перед избирателями вы говорили, что именно КПСС сегодня в состоянии вывести государство из кризисного состояния.

– Да, именно партия. Потому что другой силы, способной реально влиять на положение дел в стране, сейчас нет. При этом партия в своих руководящих органах всех уровней должна пройти через демократическое очищение. Она должна стать партией без генеральства и постыдных привилегий.

Отказ значительного числа партийных кадров сердцем принять перестройку, пойти на потерю своих привилегий создает дефицит доверия к ним. Это, в свою очередь, усиливает кризисные явления во внутривластной обстановке. Сам же аппарат, та его часть, что не приняла перестройку, предпринимает все ради того, чтобы не пропустить в народные депутаты тех людей, которые вели и ведут с ним борьбу. В своей демагогии («непатриотично», «антисоветски» и прочая) они забывают о том, что уложены в землю десятки миллионов людей, совсем недавно пролита кровь в войне, не нужной для народа, а сам народ фактически лишен прав. И при этом обижаются, когда народ всего лишь требует считаться с ним. Пытаются отделаться обещаниями или подачками. Скажем, откроют где-то колбасный завод или подбросят перед выборами на прилавки дефицит.

Дело не в колбасных заводах! Люди должны оскорбляться в ответ на такие обещания, на такое обращение. Люди имеют право на другую жизнь: они отдают себя, всю свою жизнь труду, бесконечно и надрывно. А те, кто провалил все светлое, что несла революция, не хотят отвечать ни за что.

В двери не стучится – ломится боль, мука, душевная натянутость и смятение народа!

– Мы сейчас все громче говорим о создании правового государства. Слышим об этом с самых высоких трибун. Но последние зигзаги на этом пути, кажется, становятся опасными для движения...

– Не должно быть правительственных, политических и общественных организаций, в том числе и КПСС, вне контроля народа, осуществляемого Верховным Советом СССР.

Необходимо добиться свободы убеждений не на словах, а на деле.

Срочно требует обсуждения народных депутатов Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 апреля 1989 года. Ряд его положений может толковаться столь широко, что на деле они могут быть повернуты против любой критики и любого несогласия. Это делает практически невозможной и саму критику. Я вижу в этом указе и такой смысл – держать всех в испуге. Необходимо внести изменения и уточнения, чтобы исключить произвольные толкование и применение указа.

Требуется Закон о печати. Средства информации должны быть свободны от идеологического контроля и любых ограничений, кроме пропаганды войны, насилия и национальной розни.

Необходим Закон о гласности: граждане СССР вправе знать обо всем, что происходит в стране.

Нуждается в обсуждении и изменении Закон о выборах народных депутатов СССР: выборы должны быть для всех без исключения прямыми и тайными.

Нужна реформа суда.

Опыт нашей истории, небывалые репрессии, особое бесконтрольное положение охранных органов, их фактическая независимость от народа требуют, чтобы каждый гражданин страны находился под защитой от возможного произвола КГБ и МВД. Обязательно создать комиссии Верховного Совета СССР для контроля за деятельностью этих органов.

Любое принимаемое решение должно быть экономически и экологически обосновано, должно пройти через независимую компетентную экспертизу. И работа экспертных комиссий должна оплачиваться из средств, отпускаемых на реализацию обсуждаемого решения.

Главным критерием возможности функционирования любого предприятия следует считать здоровье людей. Реакторы атомных электростанций должны обязательно быть под землей, а вероятность попадания радиоактивных продуктов в почвенные воды сведена к

нулю. Все АЭС должны обследоваться независимыми комиссиями, а результаты публиковаться в печати.

Принять Закон об экологической ответственности.

– *Предположим, что законы, о которых вы сказали, – сейчас я имею в виду первую часть вашего ответа на предыдущий вопрос, – приняты завтра. Без всяких оговорок и возможности двусмысленного толкования. Вы уверены, что это не приведет к полной потере контроля за ситуацией в стране?*

– Мы уже убедились, что скачкообразное, насильственное ускорение истории – вещь опасная и с трагическими последствиями. И наш долг – сделать все, чтобы в нынешней революционной ситуации избежать новых кровавых ошибок. Поэтому я выступаю за постепенную перестройку экономики, правовых норм, всего уклада жизни. Чтобы избежать дезорганизации и хаоса. Именно так: постепенное политическое и экономическое обновление и совершенствование всего государственного механизма. Эта работа должна идти обязательно конституционным путем.

– *Вы не разделяете опасений, что новый парламент может превратиться в чисто формальную структуру?*

– Разделяю. Но убежден, что присутствие и голос пусть даже небольшой, но прогрессивной – в моем понимании – группы людей в парламенте могут очень сильно влиять на развитие событий. Причем не только на обстановку в самом парламенте и принятие решений, но и на настроение и мировоззрение миллионов людей. Ясно, что об этом можно говорить всерьез лишь при условии безоговорочной гласности в работе законодательного органа страны. Последнее особенно важно. Ведь народ-то еще на самом деле не проснулся! Я сужу по ходу предвыборной кампании: в каждом округе в предвыборных баталиях участвуют сотни, пусть тысячи людей. А основная-то масса – триста тысяч – где она? В лучшем случае эти люди придут к избирательным урнам.

Мы стоим на критической точке своего развития. Куда идти, что сделать, чтобы не случилось еще одной трагедии? Ведь ситуация по-прежнему такова, что достаточно прийти к власти другим людям – и все может повернуться вспять. В моей жизни это уже было.

Достаточно завалить прилавки дешевой водкой, раскрутить пропагандистскую машину, как это было при Брежневе, – и все вернется на круги своя. При умелой манипуляции этими рычагами поворот возможен. Но допустить этого нельзя.

– *Вы зарегистрированы кандидатом в народные депутаты. Какие шаги вы предприняли, чтобы стать им?*

– До того момента, когда несколько недель назад ко мне не пришли двенадцать человек и не убедили, что мне нужно включаться в предвыборную борьбу, я об этом не помышлял. Меня действительно убедили, что сегодня это необходимо. Я буду бороться.

– *Я помню, что для людей моего поколения – мальчишек начала шестидесятых Юрий Власов был святым. «А вот Власов поднял бы эту машину одной левой». «А Власов бы один разогнал всю дворовую шпану». А потом это имя звучало все реже. В начале семидесятых появилась написанная вами по материалам вашего отца книга «Особый район Китая». Из короткого предисловия большинству читателей, видимо, не было ясно, что «составитель Ю. П. Власов» – тот самый силач Юрий Власов. И только совсем недавно – два-три года назад – широкий читатель прочел ваши острые публицистические статьи и интервью.*

– Я пережил, наверное, одно из самых жестоких заключений – заключение молчанием. Полная изоляция, неприятие того, что ты пишешь, говоришь, думаешь... для интеллигентного человека, чей труд – работа мысли, более страшного наказания не придумать. Вот он, закупоренный в четырех стенах, что-то пишет, составляет проекты. Но это не берет ни одна газета, ни один журнал, ни одно издательство. Сплошь и рядом в таких случаях происходит надлом психики, нравственности. Целью могут стать только заработки любой ценой, люди

превращаются в стяжателей. Другие от полной потери веры в себя спиваются, становятся наркоманами, религиозными сектантами. А если ты пытаешься до последнего сохранить в себе то, во что свято верил, то можешь превратиться в официального городского сумасшедшего. Родная мать уже могла сказать: «да чем ты занят? Посмотри на нормальных людей!»

Выйти из этого состояния безумно сложно. Но чтобы оказаться изгоем, достаточно было на более-менее заметном уровне высказать сомнение по поводу существующих порядков.

И это – замораживание мысли – одно из самых серьезных преступлений нашего режима.

– Одна из наиболее частых тем ваших публицистических выступлений – положение дел в отечественном спорте. Многие из затронутых вами проблем в большой степени можно отнести и к цирку: нередко выжатые как лимон люди оказываются на свалке...

– В условиях, когда физическое состояние народа можно охарактеризовать как вырождение, спорт не должен замыкаться только на добыче золотых медалей, выращивании чемпионов, поглощая средства, крайне нужные для народного спорта, особенно детского. Спорт должен служить здоровью общества, а не амбициям бюрократии.

Так называемый большой спорт сегодня – это не что иное, как торговля телом, торговля здоровьем. Здоровьем и самих спортсменов, и нации в целом. Валютная проституция. Наркотики, непомерные нагрузки, нарушающие гармоничное развитие человека, зачастую лишаящие юных спортсменов возможности стать в будущем здоровыми матерями. Во имя чего?

Во многих видах спорта положение таково, что без допингов уже невозможно показать результат мирового уровня. И в параллель спортивному состязанию приходит еще одно: кто попадется на приеме допингов, а кто – проскочит. Это не только в нашей стране.

Я с разных трибун предлагал: давайте, по крайней мере, в тяжелой атлетике, раз и навсегда откажемся от употребления запрещенных химических препаратов. Честно, сами для себя. Пусть результаты наших спортсменов откатятся на пятые и десятые места в мировых таблицах. Пусть! Но выиграют все, а у больного большого спорта появится шанс стать символом здоровья, а не катастрофически быстрой деградации человека. Физической и нравственной.

И срочно, без лицемерия и лжи, разделить спорт на профессиональный и любительский, назвать вещи своими именами.

– Будь так, тогда бы, видимо, была исключена и та трагедия, которая произошла с вами в 68-м, когда вы оставили большой спорт.

– В те годы у меня еще не было опыта литературной работы. Мне удавалось заключать какие-то договоры с издательствами, чтобы меня не обвинили в тунеядстве. Удавалось печатать спортивные рассказы, но опубликовать серьезные исторические работы было практически невозможно. Та же книга «особый район Китая» готовилась к изданию с невероятным трудом. Работа была начата в 68-м, а издана книга только в 73-м. Тотчас после этого мне было передано лестное предложение Брежнева перейти на работу в Международный отдел ЦК. Это было признание. И какое! Я же о себе точно знал, что работать там не смогу. Таить и искажать свое мнение – это не мое. И потом – литература. Я столько к ней шел... отказ принять это предложение был многими воспринят как сумасшествие. Я ведь во время работы над книгой продал машину, дачу, чтобы хоть как-то свести концы с концами.

В других работах, касающихся, например, истории Французской революции или дореволюционной истории России, усматривали аналогии с тогдашними правителями нашей страны и, естественно, в публикации отказывали. А с первой частью романа «Соленые радости» произошла и вовсе анекдотическая история: в издательстве «Советская Россия» меня отфутболили, обвинив в том, что «это хуже Кафки». и я ясно осознал: ничего серьезного мне

напечатать не удастся. Но я работал. Писал, зная, что я пишу в стол. Но зная и то, что если я начну самого себя править в угоду идеологическим догмам, то деградирую, превращусь в дерьмо.

Сейчас мои книги издаются, и я рассчитываю опубликовать многое из того, что было написано за эти годы.

– *А вы не пытались опубликовать свои книги на Западе, скажем, в издательстве «Ардис»?*

– такие предложения были, но я их категорически отвергал. Я прекрасно понимал, что если за мной сохранялось, по меньшей мере, право писать «в стол», то, опубликуй я хоть строчку на Западе, мне не только не дадут здесь ничего опубликовать, но лишат возможности просто писать: начнутся обыски, допросы.

С другой стороны, когда ты работаешь в одиночестве, в изоляции, будучи оторванным от суеты и идеологической трескотни, появляется уверенность, что выводы, к которым ты пришел, – это именно твои, выстраданные тобой выводы. Но иногда это походило на изобретение велосипеда. Когда я впервые познакомился с книгами Солженицына, то понял, что многое, очень и очень многое, уже известно и написано.

– *Вы член Союза писателей?*

– Нет. И становиться им не намерен.

– *И последнее. Собираетесь ли вы расстаться с литературным трудом, если станете народным депутатом СССР?*

– Я глубоко убежден, что депутат – это, безусловно, профессия, совмещать которую ни с чем нельзя. Профессия, новая для нашего общества. Этому делу надо отдаваться целиком.

Ответственность депутата еще более высока в нынешней обстановке.

...Второй том «Мертвых душ», то, что от него сохранилось, Гоголь заканчивает словами: «Я приглашаю вспомнить долг, который на всяком месте предстоит человеку. Я приглашаю рассмотреть ближе свой долг и обязанность земной своей должности, потому что это уже нам всем темно представляется, и мы едва...»

Мы должны знать свой путь, знать, куда идем.

Беседу вел Михаил Подорожанский.

На критической отметке

Первый съезд народных депутатов СССР (25 мая – 9 июня 1989 г.)

Заседание седьмое. 31 мая 1989 г.

(Люблинский территориальный избирательный округ РСФСР)

Уважаемый председатель! Уважаемые депутаты!

Я избран от Люблинского района Москвы. Из дачного пригорода столицы Люблинский район превращен в одно из вредных для здоровья мест. Здесь сосредоточены десятки заводов, среди них и такой, как АЗЛК.

Воздух в районе плохой, вода не лучше: купаться в реке опасно. Превышены все запретительные санитарные нормы, однако не так давно введен в строй цементный элеватор, строится асфальто-бетонный завод. Чем дышать людям? Дымом труб?..

Велика острота и жилищного вопроса... Словом, это один из самых обездоленных районов Москвы. Ведь в центре района действует и литейно-механический завод, главный производственный процесс здесь в неизменности с дореволюционных времен. Это преступление против рабочих, особенно женщин, и преступление против всей Москвы.

Государство привыкло брать у людей силу, здоровье, а возмещать это чрезвычайно скупой, порой оскорбительно и опасно скупой. Это относится и к зарплаткам, и к пенсиям, и к медицинскому обеспечению. Кстати, цены на лекарства вообще должны быть снижены, и незамедлительно. Людям порой не на что лечиться.

Мы провозглашаем великие принципы, а по существу эксплуатируем людей. Люди сыты по горло обещаниями лучшей жизни и решительно требуют перемен. Дальнейшего спада жизненного уровня рабочих не хочет допускать и не допустит, для этого мы здесь и находимся. Народ пока еще нам верит. Ведь народ многого не требует. Он только хочет одного: чтобы с ним обращались по-человечески.

Уважаемые депутаты! Я не экономист. Основной предмет моего выступления – демократизация нашей жизни. Демократия так же реально кормит, одевает, как и экономика. Это и естественно. Такие два явления связаны органически. Демократия дает простор жизни, развязывает экономические отношения. Ну а как демократию обращают в пугало – об этом не сейчас...

Мое выступление никем не определено. На заседаниях московской группы я не бывал. Да я и не любитель заседать. Это выступление не из заготовок, о которых в связи с московской группой упомянул депутат Горбачев. Но я в московской группе и с московской группой. Это факт, и я горжусь этим!

Одно небольшое замечание. Из-за того, что в субботу, 27 мая, мы закончили работу относительно рано, представилась возможность посмотреть телевизионный отчет (не репортаж, а отчет) о Съезде. В центре того дня оказалось выступление Юрия Николаевича Афанасьева. Его выступление, выступление депутата Попова, а также все выступления в их поддержку давались в конспективном изложении, то есть с существенными пропусками. Составить ясное, логическое представление об их позиции было весьма сложно. Зато противная точка зрения излагалась подробно, речь за речью самих депутатов.

Я обращаюсь к тем, кто отвечает за программу «Время». Неужели вы не осознаете, что это есть искажение? Ведь это вы сообщаете в той же программе, в тот же день и час, о 62 процентах людей, которые, согласно опросу, против блокирования Съездом предложений московской группы. И, сообщая об этом, вы тут же совершаете подтасовку, то есть выступаете против большинства людей, этих самых 62 процентов.

Я не сторонник раскола, однако ошибочно думать, что к возможному размежеванию Съезд подталкивает какой-то злой умысел. Все проще – всякое действие вызывает противодействие. В данном случае этот процесс обоюдный.

Попутно еще одно замечание. Пост председателя Гостелерадио настолько важен – переоценить его сложно. Влияние телевидения на умы поразительно и всеобъемлюще. Нет более могучего средства перестройки. Нам предстоит утверждать назначение, скажем, на такой ответственный пост, как председатель комитета конституционного надзора. Я предлагаю включить в данный состав утверждаемых постов и кандидатуру на пост председателя Гостелерадио. Такое назначение должно быть прерогативой, то есть исключительным правом, Съезда. По этим же причинам предлагаю сделать прерогативой Съезда и назначение на пост главного редактора «известий». Нельзя столь важные посты оставлять за аппаратом.

Мы договорились не упоминать о событиях в Тбилиси до отчета комиссии. Это вызывает руки. Что ж, отложим свои мнения, подождем. Однако в этой трагической истории всплывает другой факт, о котором нельзя умалчивать. С первого дня работы Съезда здесь, в зале, шел немой опрос первых должностных и партийных лиц страны: кто же отдал приказ о расправе? Ответ депутата Горбачева обернулся необходимостью создать нынешнюю комиссию. Ни при каких обстоятельствах невозможно допустить, будто глава государства не знает всех обстоятельств дела. В противном случае, какой же он глава государства? Также невозможно допустить, что об этом не знали и поныне не знают, не ведают члены Политбюро. Заметьте, никто не дал ответа на настойчивые вопросы, наверное, доброго десятка депутатов, хотя само молчание – уже ответ. Нет, речь не о сокрытии важного факта от Съезда народных депутатов; речь о другом – о необходимости включения в нашу конституцию статьи об импичменте, то есть лишении Председателя Верховного Совета полномочий, как результате сокрытия правды от народа. То, что я говорю, имеет существенное значение на будущее. Глава государства должен отдавать себе полный отчет в том, с кем он: с корпорацией или с народом.

Теперь об ответственности правительства. Об этом уже говорили. Тут были выражены опасения, что мы пережили 10 часов безвластия, пока глава государства не был избран. Стране в эти часы грозили возможные напасти. В большинстве своем мы отдавали себе отчет, кто такой Брежнев и как он правил страной. Беспринципность, соучастие в беззакониях, а чаще страх заставляли людей молчать и не задумываться о возможных бедах, хотя одна из них обернулась горем войны. Брежнев мог отсутствовать не 10 часов, а 10 лет – и вряд ли бы кто заметил.

Подавляющее большинство нынешних членов Политбюро, членов правительства занимало в те годы достаточно видные посты, но, как вы знаете, всякая ответственность ныне списывается одной безбрежно вместительной фразой: «Все мы вышли из того времени». Я с ней категорически не согласен – не все! Но не об этом сейчас речь. Мы уже на четыре года отодвинулись от начала перестройки, и все, что происходит в стране теперь, в значительной мере итог непосредственной деятельности нашего руководства. Богатейшая страна мира в невоенное время перебивается на талонах, что равно карточкам. Нет самых элементарных продуктов. Наш рубль жалок перед любой валютой. В стране много коррупции, беззакония, произвола, страна тонет в безответственных решениях. Великая страна унижена. Падение ниже невозможно, дальше уже развал. Лица, повинные в подобном повороте дел, обычно уходят в отставку, и не поодиночке, а всем составом, как люди, провалившие дело. Так, во всяком случае, принято во всем мире.

Тут говорили: нормальная деятельность правительства невозможна без жесткого контроля. Такими полномочиями Верховный Совет обладает, он – орган исполнительный и распорядительный. Нужно, чтобы депутаты научились спрашивать. Спрашивать с правительства. Скажем, каждые две-три недели правительство будет давать отчет на заседаниях о

своей деятельности с трансляцией по телевидению: это внутренняя, внешняя политика, экономика, различные назначения. От народа не должно быть тайн. И каждый должен предстать перед ним в своем истинном облике.

Мы видим, и при нынешнем повороте дел правительство не подает в отставку. Этому есть серьезные обоснования: верховную власть всегда подпирала та сила, которой держится весь аппаратный строй.

Почему нашей страной мог править Брежнев? Нет, правил не Брежнев. Он являлся лишь символом. Правило насилие. Оно утвердилось у нас в качестве единственной правовой нормы. Насилие, страх, нетерпимость, жестокость пронизывали нашу жизнь, являлись нервом жизни, не дают распрявиться и сейчас.

Нетерпимость и в этом зале, как знамение всех трех лет. Оно в шиканьях и в стремлениях заткнуть рот оратору. Для народа перестройка (наряду с преодолением экономического кризиса) – это преодоление аппаратной системы. Эта система целиком возшла на принципах подавления личности, бесправия каждого в отдельности – бесправия и, следовательно, незащищенности. Еще очень много лжи носили мы в себе.

Да, сейчас гласность, но оттого, что нам ее подарили, мы не замрем в благодарной почтительности. Демократию следует развивать. Она гарантия нашей силы, а главное – будущего. Мы не можем, не должны ставить свое будущее в зависимость от моральных качеств одной личности. Мы должны дать народу правовое демократическое управление, преодолеть экономический кризис. Это возможно лишь в том случае, если мы сконструируем четкое законодательное право – право спрашивать с тех людей, которые вот здесь, в зале, представляют правительство. Спрашивать с них и тех, кто стоит за ними. Это будет спрос народа.

Из обращения группы избирателей: «еженедельник «Семья» и центральное телевидение рассказали и показали места захоронения жертв массовых репрессий. Это – Донское кладбище, также Калитниковское и Рогожское кладбища в Москве. В местах захоронения прах десятков тысяч наших сограждан, 6 января нынешнего года на встрече в ЦК КПСС с работниками науки и культуры товарищ Горбачев сказал, что нам необходимо выделить эти места, привести в порядок, установить памятники. Принято соответствующее постановление ЦК КПСС, однако в нашем городе не предприняты никакие реальные шаги. Почему? Поиск привел и к другим местам, где «на тысячи» свалены черепа и кости. Мы обязаны почтить память сограждан, подвергшихся издевательствам и казням. Это десятки тысяч казненных безвинно. Такого рода преступлений не знала история человечества. Несомненно, существенную помощь в дальнейшем розыске могут оказать архивы КГБ, но даже сегодня они накрепко закрыты. И сотни тысяч наших семей не могут отдать дань памяти несправедливо казненных или замученных. Не пора ли решить этот вопрос?..»

Чтобы ограничить волю аппарата, необходимо поставить под контроль народа одно из мощных начал его жизнеспособности. Одним крылом КГБ защищает народ от внешнего врага, а другим, несравненно куда более мощным, – осуществляет особую, специфическую функцию. Нет, я не имею в виду борьбу с коррупцией. После тяжких уроков прошлого с миллионами убитых, всех, без исключения, с прямым участием ЧК – МГБ, угрозу демократии в наши дни нельзя считать мифической.

В условиях первых шагов по пути демократизации и в то же время желания раздавить ее такая сила, как КГБ, обретает особый смысл. Ведь КГБ подчиняется только аппарату, КГБ выведен из-под контроля народа. Это самое закрытое, самое законспирированное из всех государственных учреждений. Разумеется, у меня и в мыслях нет чернить работников этого ведомства. Речь о его роли в нашей жизни.

Глубинная засекреченность, объясняемая спецификой занятий, обеспечивает фактическую бесконтрольность КГБ, хотя действия его порой весьма сомнительны. В таких столк-

новениях с КГБ правды не найти. Искать ее опасно. Манипуляции с якобы психической ненормальностью до сих пор могут угрожать людям, опасным для аппарата.

Демократическое обновление страны не изменило места КГБ в политической системе. Этот комитет осуществляет всеохватный контроль над обществом, над каждым в отдельности. В системе же министерских отношений он явно поставлен над государством, подчиняясь лишь узкой аппаратной группе. Назначение председателя КГБ должно проходить через Съезд народных депутатов. Народные депутаты должны знать численность этой организации и требовать отчета за все нарушения законности, знать ее бюджет. И лучше бы перенести службы КГБ с площади дзержинского. Уж очень незабываема кровавая история у главного здания, где покоится «меч, защищающий народ». Отсюда десятилетиями исходили приказы по уничтожению или преследованию миллионов людей. Горе, стон, муку сеяла эта служба на родной земле. В недрах этого здания мучили и пытали людей, как правило, лучших, гордость и цвет наших народов. Да и сам комплекс этих зданий, таких необъяснимо монументально громадных, как бы свидетельствующих, кому в действительности принадлежит власть в стране. Такой комплекс неуместен в центре Москвы. Будет справедливо, если КГБ уступит эти здания (потребность в помещениях у нас огромна) хотя бы на книгохранилища и построит скромное здание в пригороде, но уж не такое, как его больница в Покровском-Стрешневе. Сосновая роща, ультрасовременное, огромное здание, соединенное веткой метро с центром. По соседству с ним районная туберкулезная больница просто убогое строение. КГБ – это не служба, а настоящая подпольная империя, которая еще не выдала свои тайны, разве только раскрытые могилы. И, несмотря на такое прошлое, эта служба сохраняет свое особое, исключительное положение. Она самое мощное из всех существующих орудий аппарата. И по эффективности, и по безотказности ей нет равных. В Верховном Совете предполагается комиссия по обороне и государственной безопасности. Надо полагать, по деятельности МВД и КГБ (МВД тоже оставило не лучший след в нашей истории). Надо, чтобы эта комиссия была начинена новым содержанием и проводила эффективный контроль. Это одна из существенных задач, правда, трудновыполнимая, как Верховного Совета СССР, так и будущих Съездов народных депутатов.

Еще одно обращение избирателей моего участка. Я получил его вчера. Оно о государственной статистике. «Съезд народных депутатов считает, что в последние годы Госкомстат СССР был одной из государственных организаций, деятельность которой способствовала манипуляциям общественного мнения ложными цифрами, приукрашивающими действительность. Госкомстат СССР до сих пор не проявил способности добиться сокращения потока сомнительной отчетности, которой государственные органы облагают предприятия и учреждения. Съезд постановляет (это проект предложения): образовать комиссию из народных депутатов в рамках Верховного Совета для выяснения истинного положения дел в экономике, в частности, выявления подлинной динамики национального дохода, инфляционных процессов, размеров эмиссий, роста производительности труда, сокращения государственного аппарата. Результаты комиссии довести до сведения народа».

Принципиальное значение имеют выборы народных депутатов не через 5 лет, а через 3 года, и выборы для всех прямые и тайные. Политическое развитие народа идет такими темпами, что нынешний состав Съезда уже не в полной мере будет отражать эти изменения, образно выражаясь, «пятилетний срок» будет блокировать многие важные решения, столь необходимые народу. Мы на критической точке своего развития. 150 лет назад оригинальный русский мыслитель и друг Пушкина Петр Чаадаев писал о России: «Мы – народ исключительный, мы принадлежим к числу тех наций, которые как бы не входят в состав человечества, а существуют лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь страшный урок...»

«Страшного урока» больше не должно быть... Так, теперь несколько слов о вчерашних овациях зала на сообщение о применении силы в Тбилиси. Преступно убивать за убеждения.

Лозунги, политическая чужеродность, говоря об инакомыслии, не могут служить оправданием убийств. Такая позиция смыкается с той, которая привела нашу страну к невиданным в мире убийствам, которые мы до сих пор не в состоянии усвоить разумом и своей совестью. После этих оваций для меня очевидно: размежевание практически неизбежно; нас разъединяет больше, чем соединяет. Это различие в понимании самих основ жизни.

Почему я вышел из КПСС

Заявление для печати. Ноябрь 1989 г.

Два противоречивых начала определяют роль партии в нынешних условиях.

Партия остается сегодня единственной силой, способной обеспечить порядок и дисциплину в обществе. Она тот рычаг, который способен удерживать общество от сползания в хаос и анархию.

Но дело в том, что партия же (а точнее, аппарат) во многом противодействует обновлению страны – всестороннее и глубокое обновление грозит ей утратой политической монополии.

Демократический процесс в стране все больше отрывается от сложившегося десятилетиями характера и смысла деятельности партии.

Лозунг партии – «самоочищение, самообновление, перестройка своих рядов» – думается, не ведет пока к коренному изменению ее облика. Это все та же догматическая авторитарная организация.

Партия в перестройке занимает весьма специфическую позицию. Да, она ее вызвала, но только в условиях, когда государству начал угрожать экономический крах.

Крах государственный означает для партии небытие. Так что, обратившись к перестройке, партия, прежде всего, открыла борьбу за собственное выживание.

И именно поэтому партию занимает не столько последовательность реформ, обновление, возрождение страны, сколько стремление остаться политическим монополистом любой ценой. Эта установка на выживание все чаще и чаще ставит ее поперек процесса обновления страны, вносит в этот процесс существенные нарушения. Особенно убедительным доказательством является обсуждение Закона о печати в Верховном Совете СССР. Все, что угодно, но только не свободная и не независимая печать. Все, что угодно, но сохранение цензуры, контроль над сознанием общества. Все, что угодно, но исключить независимую мысль.

Да, партия за перестройку, но такую, которая не поколебала бы ее позиции – партии, осуществляющей единовластное правление. Эта особая роль партии закреплена и конституционно.

Отсюда и особенность, непоследовательность поведения партии. Она – за широкие реформы. Но и она же – за создание условий, при которых прежняя структура власти сохраняется, лишь обрастая различного рода демократическими атрибутами. Должно произойти приспособление старого аппарата принуждения и диктата к новым условиям.

В первые годы революции основным догматом партии являлся принцип диктатуры пролетариата, проще говоря – диктатуры одного класса над всем народом. Этот догмат ставил партию в исключительное положение, то самое, которое пришло на Съезд скромными напоминаниями: «Мы – правящая партия». Надо понимать это так: диктат по-прежнему за нами. Мы так и понимаем и эти слова, и шестую статью конституции. Да, все права на одной стороне, все обязанности – на другой.

Часть общества (в том числе и коммунисты) хочет избавиться от диктата партии, сознавая гибельность такого положения. Партия ищет, собирается с силами и... нарушает последовательное движение на пути демократизации разными средствами. Тут и обработка умов – вся пресса, что называется, в кармане. Только вдумайтесь: ни одной газеты вне влияния партии, все поставлены под контроль, все так или иначе зависимы. Какая уж тут дискуссия, какая другая точка зрения?

Народ видит, что во многом идет не обновление страны, а игра вокруг обновления.

Вот эта особая роль КПСС в обществе и определяет характер, странности и непоследовательность движения.

Вывод из этого однозначный: КПСС, оставаясь единственной политической силой, превращается в тормоз сложных преобразовательных процессов, не сплавливает общество, а раскалывает.

Аппарат искренен лишь до того момента, когда ничто не грозит его главенствующему положению в обществе. С того момента, как ему что-то начинает угрожать, он поворачивает на сто восемьдесят градусов и возвращается на свои прежние авторитарные позиции, позиции диктата, подавления свободы.

Подлинно демократическая прогрессивная партия не монополизирует власть, не стремится держать народ в подчинении, она не боится вступить в борьбу с любой другой демократической силой.

Нормальная политическая жизнь в стране, нормальный политический климат возможны лишь при равном выражении всеми группами населения и каждым человеком своих экономических и политических воззрений. Эти взгляды, требования на пути развития государства порой существенно отличаются и не могут быть насильственно сведены к одному мнению, к одной партии.

Не надо страдать по единомыслию. Единомыслие – это насмешка над здравым смыслом. Убежден: нужны и иные политические организации, которые способны вобрать политическую инициативу масс, организовать эти массы, выражать их мнение.

КПСС может выражать интересы лишь части народа. Ставя под запрет другие общественные организации, партийное руководство оставляет существенную часть общества без возможности превращения своего мнения, своих взглядов, убеждений в соответствующие партийные программы – есть и всегда существует какой-то иной подход, взгляд на те или иные события, пути движения общества.

Конституция страны должна допустить законодательное оформление других партий. Надо создавать правовое государство, следовательно, иметь в нем такие общественные институты, которые исключали бы монополию на политическую жизнь. Только такие партии способны внести оздоровление в наше больное общество.

Дабы не повторять ошибки прошлого, нужна коренная политическая реформа. Такая реформа должна раскрепостить все общественные, государственные и прочие системы страны. Такая реформа должна исключить политический диктат одной партии; именно тогда будут созданы такие институты власти, которые сделают невозможным насилие в обществе, исключат насилие из общественной, политической, государственной практики. Никто не смеет ограничивать право граждан на создание общественных и профессиональных организаций. Противное положение или мнение означают сохранение несправедливого устройства общества и, как следствие, затягивание кризиса на неопределенный срок.

К этому подошло развитие демократического процесса. Это не забегание вперед, это не левизна, грозящая обернуться беспорядками. Это как раз нормализация политической и общественной жизни.

Еще раз повторю: партийный аппарат скомпрометировал себя в глазах людей, он становится сейчас тормозом на пути демократизации. Вот почему я вышел из рядов КПСС.

Россия прорвется в будущее

«Куранты», № 84, 5 мая 1991 г.

Сначала несколько слов о визите Б. Ельцина во Францию, а если быть более определенным – в Страсбург (резиденцию Европарламента). именно из-за этой встречи Председатель Верховного Совета РСФСР вынужден был отменить поездку в Гренобль, что вызвало обиду и серьезное возмущение как горожан, так и мэра стариннейшего французского города – гордости страны.

В понедельник, 15 апреля, Ельцин встретился с парламентариями европарламента. Группа социалистов Европарламента позволила вести беседу в недопустимых выражениях. Главу России называли «демагогом», «безответственным человеком» (из-за оппозиции М. Горбачеву). Председатель этой группы социалистов указал Б. Н. Ельцину на дверь: пусть уходит, если «он не желает выслушивать неприятные для себя вещи».

Это право каждого: любить или не любить того или иного государственного деятеля, артиста, спортсмена... Это их право быть в восторге от политики М. Горбачева и раздражаться от Б. Ельцина. Это право любого человека, пока он не официальное лицо и ведет речь не с официальным лицом.

Но в том-то и дело, что в Страсбурге с парламентариями встретился не турист из России, а глава 150-миллионного народа. И когда столь убежденные социалисты, как господин Жан Пьер кот, позволяют себе выражения и выходки, в общем-то недопустимые и для обычного разговора воспитанных людей, они так поступают уже не по отношению к Б. Ельцину, а – России, ибо в данном случае выступает не частный человек, а символ российской государственности.

Нет сомнений, исключительно серьезное положение, в котором оказалось наше государство, внушает некоторым право вести речь с российскими официальными лицами в подобном тоне. История отношений Франции и России не помнит, чтобы с ее официальным главой обращались подобным образом. Нет такого в памяти истории.

Да, блуждая, мы выбредаем из кромешной тьмы прошлого, измученные, оскорбленные, но не потерявшие чести. Если вы думаете иначе – вы глубоко заблуждаетесь, господа. Я готов освежить в вашей памяти некоторые уроки истории. Вы их должны знать по обязанности вашего положения и образования, но, надо полагать, запомнили.

Россия являлась тем государственным образованием (пусть раздробленным), которое остановило всесокрушающее шествие татаро-монгольских полчищ, загородив Европу. Обескровленная, Россия столетиями копила силу – и сбросила ярмо рабства. И в этих столетиях рабства она не потеряла чести, сохранив верность религии – своему Богу.

И если Франция считает себя наследницей Рима, то Россия с полным правом – наследницей гордой Византии.

Лучшая армия Европы – шведская – с Карлом XII во главе разбилась вдребезги о твердыню России.

Это Россия в конце концов сокрушила непобедимую оттоманскую империю, терзавшую юго-восток Европы.

А поход Наполеона во главе армий Европы против России? Где оказался русский стяг после разоренной Москвы? Да, в Париже – том самом, где русскими не был тронут ни один камень. А Москва лежала разоренная – одно гигантское пепелище. И она уже так и не смогла возродить первозданную прелесть, от которой захватывало дух у солдат великой армии, предавшей ее тотальному разграблению. Это было одно дикое, варварское насилие.

Это Россия в Первую мировую войну понесла самые значительные людские потери (об этом, кстати, мало кто ведает) – и в значительной мере ради того, чтобы спасти Париж. В

противном случае он был бы захвачен кайзеровскими армиями. Мы за это заплатили гибелью нашей лучшей армии под командованием генерала Самсонова.

Это о роли России в Первой мировой войне обмолвился французский маршал Фош – ваш национальный герой: «...если Франция не была вычеркнута с карты Европы, этому она прежде всего обязана России...».

Не правда ли, достойно сказано?

А вы даже шепотом не отважитесь на такое...

Это моя страна не покорила Гитлеру, несмотря на весь обман народов, который учили его правители (обман да еще невиданный по масштабам террор, который надорвал народы). У нас не нашлось капитулянтского правительства, и, что бы ни сочиняли историки разного толка, это именно моя страна сломала хребет немецкому фашизму, опять заплатив обильной кровью, в этот раз просто невозможной даже для воображения – почти 50 миллионов убитых и замученных. Это почти столько, сколько было жителей во всей Франции накануне войны.

Где хваленая демократия Франции, ее великая культура, просвещенная интеллигенция, которые делают возможным подобные оскорбления народу – указывать на дверь его главе? Опять напомню вам, господа, что Б. Ельцин может вам не нравиться – это ваше дело, но он глава огромного народа, символ российской государственности. И это мне растолковывать вам, политикам и членам высокого Европейского парламента?

Мы обязательно создадим новую Россию. Мы идем из огня страшной беды – и вы считаете возможным вести с нами речь как с побежденными?

Да, наши народы унижены, но отнюдь не сломлены, как бы этого ни хотелось многим.

Вам доставляет удовольствие читать, как пренебрежительно обходился Сталин с де Голлем? И нам стыдно за Сталина. Вам стыдно и нам.

Да, это было возможно не только из-за повадок диктатора – Франция лежала растоптанная врагами. Что она могла?.. Вы думаете, мы растоптаны – и берете тон диктатора?

Никто никогда не сможет вести разговор с нами как диктатор. И мы – не побежденные и не сломленные – это надлежит усвоить всем, кто хочет иметь дела с нами, не только вам, господин Жан-Пьер кот (вы, кажется, стали парламентарием для защиты интересов народов Европы, не так ли?). Слабой Россия не будет (есть пока, но потом не будет). Это не просто обновление экономики государства, такая совокупность реформ. Изменяется весь уклад жизни народа – это не поддающийся измерению по своей грандиозности процесс.

То, что вы принимаете за российские народы: валютных попрошаек, проституток всех мастей, вымогателей и взяточников, готовых за франки и доллары на все, и прочих, низкопоклонствующих перед всем иностранным, – это не Россия. Это совсем не Россия. И наш народ не ленив и не разложен (об этом немало рассуждают в разных столицах). Подобные утверждения – величайшая нелепость. Не умей мы трудиться, не было бы России. Кто бы ее запас построил?.. Наши народы надорвали необъятная кровавая дань и безмерный рабский труд, заплаченные по счетам истории. Но смею заверить вас: там, где другие народы исчезли бы с географической карты, хлебнув лишь от толики наших бед, Россия поднимается для того, чтобы дать своим детям и внукам новое государство. И будьте уверены, оно, это будущее, будет достойно ее народов и поистине великих просторов, равных которым нет в мире.

Хочется предостеречь всех, кто позволяет себе поучать наши народы, кто похваляется своими богатствами и, сам того не замечая, опускается до тона и речи, оскорбляющих достоинство наших людей: не забывайте о будущем. Вы присутствуете не на похоронах России – кто думает так, роковым образом ошибается. Мы изболеем, кровавой тяжелой болезнью заплатим за грехи и муки прошлого – и распрямимся. Не думайте, будто от нас останутся какие-то лоскутья земли, разрозненные «княжества». Никто не прибегнет к силе – от этого наши народы отучены, но превратиться своей родине в рваные куски территорий народы

не позволят. Инстинкт выживания, народная мудрость, культура нации и наций не дадут превратиться России в лоскутное одеяло карликовых государств. Может быть, этого кто-то очень желает, но этому не бывать. Вероятно, сейчас, в нужду, неурядицы и развал государственных структур, это покажется фразой, но по-другому просто не может быть, да и не сложится. Там, где российская Федерация, там и будет Россия – ни на вершок меньше, ибо это в интересах всех народов, которые ее составляют, они уже так сплелись в одну историю, одну суть – разорвать это невозможно, разрыв пойдет по живому мясу для всех; обессилит и бросит в нищету все российские народы.

У России одна задача – преодолеть сопротивление реакционного партийно-бюрократического аппарата. Эту же задачу решают все народы, которые ее составляют. Нет ничего, что бы делить между самими народами. И после кровавой неразберихи, националистической игры вокруг национальных обид и боли общность истории, судьбы, общность беды и всего пути в конце концов неизбежно сплавят Россию. Она будет свободной родиной для каждого.

Мы выстоим – иначе быть не может. Народ не побежит ни в эмиграцию, ни за валютой. Куда идти, зачем? Его валюта – родная земля, трудовые руки, преданность своей истории и культуре.

Нас осмеивает мир, над нами издеваются все, кому, как говорится, не лень. Мы и впрямь смешны в наших парламентах, первых свободных газетах и книгах, отчаянных политических спорах. Что ж, мы берем уроки у истории. Каждый новый день для нас – практика совершенно не известного дотоле политического бытия.

Но никто не заглянул в душу огромного народа. Она изранена, опустошена, измучена, однако по-прежнему принадлежит своей земле, своей истории. Народы России прорвутся в будущее, обязательно прорвутся. Они уже несут на своих плечах это будущее.

Интервью для российского радио в конце ноября 1991 года

Полагаю ошибочным переносить польский опыт шоковой терапии на нашу жизнь. Ну посудите сами: у поляков был кредит, помощь на 20 миллиардов долларов. В пересчете на нашу жизнь, наш народ (ну, так, грубый, конечно, пересчет) это около 200 миллиардов долларов. С такой помощью отважиться на шоковую терапию можно. Во всяком случае, есть на что опереться.

В Польше было уже устоявшееся фермерское хозяйство. В подавляющем большинстве хозяйство в деревне являлось частным. И уже не один год, а давно. Были налаженные связи деревни с городом, и земля не пустовала: работала и продуктов производила очень и очень много. Достаточно, чтобы накормить все население Польши.

В Польше не было 6-летнего разгрома хозяйства страны, которое, как у нас, еще до реформы, до шоковой терапии, привело народ к обнищанию. Была исключительная решимость всего польского общества – т. е. как раз то, что у нас начисто отсутствует, – вести реформы до конца, выстоять нужду, перенести ее. Но только не возвращаться назад.

Мы пришли к старту обнищавшими, обобранными, измученными. Никто не в состоянии терпеть. Но это не говорит о том, что наш народ избалованный или какой-то, ну, особенный народ, очень такой... знаете... болезненно относящийся к любому повышению цен, ухудшению жизненного уровня. Более терпеливого народа, наверное, нет на земле. Но ведь довести его до такого состояния, что *многие должны просто спокойно ждать наступления своей гибели...* Иначе назвать этот опыт перехода к рынку, а его надо назвать именно опытом, потому что он вряд ли удастся... нельзя! Наступление смерти. Иначе назвать нельзя. Поневоле запросишь назад и КПСС, и Сталина, и Берию, не говоря уже о Ленине.

Реформы! Я сейчас говорил о гибели – готов пояснить это. Реформы ори отсутствию продуктов в стране – это даже не ошибка. Это самоубийство. Ведь реформы без продуктов в стране, без работающего сельского хозяйства – это истребление народа нуждой, очередями, к тому же еще и катастрофическим отсутствием лекарств: ложись и помирай. Лекарств, помощи – не жди. Рабская роспись жизни, не правда ли?

Ведь это еще не все, ведь это пустые слова. Ведь это каждому человеку, если он не располагает награбленными деньгами, надо выстоять очередь, огромную очередь, продукты почти всегда «на половине» ее кончаются. Это в холод, в голод. После этого человеку надо ехать на работу. Больной он или измученный – а никого не касается. И опять каждый день выстаивать эти очереди по часу, по полтора-два... Какой человек это выдержит?! Вы только вдумайтесь в такую жизнь: измученному, больному человеку кормить семью, выстаивать огромные очереди... А если это одинокий престарелый человек?..

Мы фактически всех людей, старше 45 лет, ставим на грань вымирания, гибели. Заранее отказываемся от 40–60 миллионов престарелых. и это не только пенсионеры. Это те, кто уже... в годах и кому трудно выдержать такой ход жизни. Это только для молодых людей – и то надо выдержать. Если чуть заболел, покачнулся или нет у тебя на кого опереться, – все может очень печально обернуться. Ни одной таблетки лекарств в стране! Зайдите в аптеки...

Это величайший парадокс, несообразность, вы только вдумайтесь: иметь богатейшие земли – и голодать! Мир не может это понять. Это не может вместить разум. Ну как это может быть? Понятно в Эфиопии: невиданные засухи (люди видят эти страшные катастрофы). Понятно в Индии: опаздывают или совсем не приходят муссонные дожди, и гибнут рисовые плантации, урожай гибнет. Словом, земля не способна родить. А у нас? От горизонта до горизонта земли, которые накормят не только наш народ, а половину человечества, и еще останется. *И мы голодаем. Получаем подачки из-за рубежа. Это ли не парадокс. Нет, про-*

стите. Это уже политика национального преступления, сознательного удушения народа нуждой. Покорение России нуждой, обессиливание ее народа, превращение его в нищего, просящего милостыню у всего мира. Русский теперь – синоним человека, который стоит с протянутой рукой.

Парламент должен разобраться, что происходит. Его для этого избрал народ. Но никто не занимается судьбой народа. Страна разрушается, и это – никого не касается. Получается, что каждый за себя. И пошло все к черту!

Одно правительство сменяет другое как некомпетентное. Ну и что? Приходит другое правительство, опять уходит... Ну и что? Никто ни за что не отвечает! А народ остается – обманутый, накормленный лишь обещаниями, а экономика – все более и более увязшей в кризисе. Вот и вся смена правительств. Вот и вся безответственность. В народе накапливается негодование ураганной силы. Неужто это не слышат те, кто облечен высшей властью? Вот это больше всего меня интересует. Неужто жизнь в отдельной квартире, в апартаментах, езда в этих машинах, которые народ презрительно называет «членовозами», начисто отбивает возможность слышать то, что происходит в стране?.

Мне хочется сказать этим людям: какую жизнь вы создали на самой богатой земле в мире, необозримых угодьях?! Нужда. Очереди. Унижения. И болезни из-за надрыва.

Почему не выводите вы страну из кризиса, не занимаетесь землею? Почему предлагаете меры, которые ведут к еще большему обнищанию и ничего не сулят, кроме обострения нужды и голода?

Кто те экономисты, кто те выдающиеся умы, что вносят подобные советы? На своей шкуре, на своей коже, на своих близких они – переносят все эти невзгоды или рассматривают нас как... подопытных животных, на которых они проведут еще один эксперимент? Было много экспериментов, 74 года прошло, и еще один раз проведем, и еще раз потеряем 30–40 миллионов. Не получится, запросим прощения – и начнем опять пробовать. Да разве так можно?!

Почему российская земля лежит нераспаханная, неухоженная, брошенная и не кормит свой народ? Вы об этом думали? Кто хозяин над российской землей? Какая реформа, какая шоковая терапия, когда нет хозяина над землею! Сельское хозяйство не работает! Я хочу задать еще раз этот вопрос: кто хозяин над российской землей? А раз нет хозяина, откуда будут продукты, откуда они придут? *Какое чудо родит шоковая терапия? Что вы делаете в таком случае с народом?!*

Главное для нашей экономики – аграрный вопрос. «Садится» на землю крестьянин или не «садится», мешают, саботируют – это, несомненно, сложный, но самый важный вопрос. Этим надлежит заниматься в первую очередь. Без еды мы обречены. И это должно определять центральный участок работ. Вы поймите, люди могут ходить и обходиться и старыми потертыми куртками, и поношенной обувью. Это скверно, это тяжело, простужаются, болеют, но... живут. Но как жить без еды? С утра до ночи этот вопрос: добыть еду. Вы сами только подумайте: не купить, а добыть еду! Во что превращены люди? С утра до ночи только очереди, болезни, отсутствие лекарств и ничего светлого впереди. Вы только подумайте! Вы, кто руководит нашей жизнью, отучились выступать перед народом, говорить с ним человеческим языком, объяснять, что вас ждет, как вы боретесь, как вам трудно, что будет завтра...

На что вы обрекаете народ, что вы просите у народа, как вы просите перенести те или иные невзгоды? У вас даже нет этой связи живой с народом, вы утратили даже возможность подобного общения с народом. И вы ему навязываете самый серьезный роковой шаг за последние 74 года его существования.

Само сельское хозяйство не возродится. Ему необходимо помогать, ему необходимо расчищать дорогу. Ныне осело на земле всего 28 тысяч фермеров. Нужны около трех мил-

лионов. Вот куда государство должно сосредоточить усилия. Здесь и только здесь решается судьба народа. Запомните, только здесь. *Без продуктов нельзя проводить реформы. Ниоткуда они не появятся.* Никто нас даром кормить не будет, дайте землю народу, дайте землю людям, найдите способ расчистить все препоны, все препятствия. Отучился народ хозяйствовать, не отучился, но без того, чтобы эта земля не заработала, не стала давать продукты, все реформы фикция.

И это вам следует усвоить и над этим надо работать дни и ночи. Это должно быть центральным участком нашей работы.

Мы не определились в национальной политике. Это очень печально, даже трагично. Зачем то, что происходит в Чечено-Ингушетии? Вернее, происходило недавно. Это грубейшая, опаснейшая ошибка. И на каком уровне! Мы в таком случае должны выставлять гаубицы вокруг всех мест, где люди хотят самоопределиваться. Это же чистейшее безумие. Да разве так можно! В наше время, когда уже об этом столько пишут и толкуют, когда народы хотят (ну пусть у них такое желание) определиться и жить самостоятельно. И что ж вы — со штыками, гаубицами, пушками, чрезвычайными положениями? Да пусть самоопределяются все, кто жаждет. Это основной постулат политики. А в центре политики должна находиться Россия и должна быть своя национальная политика, отработанная. Она должна быть ну... самым важным в нашей деятельности, целиком устремленной на Россию. Мы не должны играть роль центра по принуждению. Сильная Россия сама становится притягательным центром. Республики сами к ней будут сбиваться. Вот что должно составлять существо национальной политики! Вы поймите, если свой народ накормлен, своя республика крепкая, забота о народе проявляется, то и другие народы к такой стороне будут непременно прибиваться и с таким народом дружить и уважать его. А при чем тут сила?

Вот самая рациональная и разумная, на мой взгляд, политика. Свои границы, своя валюта, своя национальная экономика и забота о народе. Сейчас строить иллюзии относительно Союза уже поздно. Каждая республика быстрыми темпами возводит свое национальное здание. Одни мы, опять безнадежно опаздывая, тратим попусту свои национальные ресурсы и жизни людей.

Российский народ брошен. С ним даже не хотят говорить. Народ никому не интересен. Кругом взятки, нажива, спекуляция, какой-то шабаш разврата и политического, и какого угодно. Я об этом говорил в недавнем выступлении по радио и опять хочу повторить, поскольку никаких решений не принимается, я не могу успокоиться и отказываюсь молчать.

Продолжается оскорбительное пренебрежение «беженским» вопросом. Россия должна иметь программу приема беженцев. Обязательно. Парламент России этим не занимается. Россия должна помочь людям. Это сыны нашей Родины. Мы не можем быть нацией предателей, Иванов, не помнящих родства. Израиль, Германия спасает своих, а мы?.. Почему мы молчим? Почему отворачиваемся и закрываем глаза? Нам трудно, так пусть подышают? Нас сие не касается. Кто же мы тогда?!

Народ переживает величайшую трагедию. Приходит одно правительство за другим, и все несостоятельные, неспособные. Дело идет к развалу государства. Парламент России не способен взять власть на себя. А история возложила на него великую миссию спасения страны. Вы только вдумайтесь в эти слова. Ведь такого исторического шанса, может быть, уже не будет. И наверняка не будет. И вторых выборов в российский парламент (о, это было бы великое счастье, если бы они состоялись!) тоже не будет. Скорее всего, мы были участниками последних выборов в российский парламент. При таком отношении к делу, при таком ведении дела, при таком отношении к народу второй раз уже российский парламент не будет выбираться, ему не жить. Неужели это не понятно? Поэтому парламенту выпала историческая роль. Его вина будет не только перед нами, если он не

справится с этим, и мы утратим свободу, и воцарится здесь опять диктатура, мрак (ведь продукты сразу не появятся, жизнь не наладится), опять у каждого будет КГБ за спиной.

Вот такая жизнь, вот такое будущее нас, каждого, буквально каждого человека потрясает, волнует. А в чьих руках наша судьба? В руках парламента. Он способен решить. Он может стать на стражу... Вы знаете, как решается: великие комиссии, великие решения, великая подвижническая работа... Ничего подобного нет! Пустое место!

Народ переживает величайшее национальное унижение. Виною тому не реформы, которых пока еще нет. Настоящих реформ нет. И по сию пору нет! Одно правительство разорения России следует за другим. Ну что мы сейчас видим и видели все годы? Бессилие власти, паралич власти, некомпетентность, разброд, безответственность. Дождались демократии. И что? То же самое. И опять я повторяю: это вина парламента России! Народ вручил ему судьбу. Свою судьбу. Парламент России, если не занимается саботажем, должен найти достойных руководителей. Времени-то нет! Страна разрушается на глазах. То, что происходит, назвать иначе как безумием нельзя. Для народа сейчас очевидно: в нынешнем виде и форме демократия выступает разрушителем Российского государства. Это определяет настроение самых широких народных масс.

Для народа демократы – это очередные хапуги. И ничего другого люди не могут думать. Ибо они ничем другим в глазах народа не отличаются от прежней коррумпированной продажной власти.

Я уже не раз говорил, повторю еще: никогда при национальных вопросах не применять, не прибегать к силе. Это метод слабых и неумных правительств. Народы сами разберутся в своих делах. Во всей этой национальной игре есть один элемент (игра, конечно, в кавычках): «игра» эта от нищеты, боли, обид... Подождите, народ быстро остынет и увидит, что ему ничто не дает националистическая надстройка. Ну будут границы, будет свой парламент, заведется свой вождь, народятся новые кровососы. Но ведь не будет ни хлеба, ни молока. Нефти не будет. Топить вечем будет. Разве в этом вопрос? В национальных вопросах самый мощный рычаг воздействия – это экономика. Умело опираясь на экономические связи, можно решить неразрешимое. Сила ничто не способна решить, ничто не способна разрубить и поставить на свое место. Ничто. Именно поэтому такой хаос в стране. Вся она была скреплена силой. Сила убрана, и все перемешалось и полетело в пропасть. Потому что живых связей в этом организме не существовало. Было по преимуществу насилие 70 лет с лишним. И органически оно нечем не могло замениться сейчас. И не успело замениться, поскольку была и присутствует большая игра преступных сил, и она препятствует образоваться этим связям: живым, здоровым.

Хочется обратить внимание на следующий факт: распад экономики. Я о нем уже много говорю, может быть, уже надоело, но я последний раз.

Распад экономики начался до перестройки. Поймите, страна гнила, она прогнила, вся сгнила на корню. Она проедала нефть, лес, золото. Потом вы знаете, как с нефтью было: упали цены. На что покупать мясо, зерно? Не стало на что. Да и поизносили мы свои природные богатства, поистратили их основательно. Экономический крах ждал наше коммунистическое государство.

Теперь перестройка. Это попытка партии реанимировать тоталитарную структуру управления экономикой. Ну, короче, сохранить, продлить свое партийное господство, только в обновленном виде. Но то, что сейчас происходит, кроме как разграблением страны, национальным унижением назвать нельзя. Повторю это еще раз: втаптывается в грязь величие страны. По ветру пускается ее богатство. Власть совершенно бессильна и безответственна. В открытую говорят: когда будет переворот, или не будет переворота? Вы только вдумайтесь: люди ждали, придут демократы и будет твердая достойная чистая власть. И будет порядок в стране, а хозяина в стране нет. Все валится, никому

ни до чего нет дела. Только бы дотянуться до богатства, взять, засунуть в рот послаще, побольше кусок, набить карманы. Вот как, оказывается, с демократией получилось.

Высшее руководство страны. Ну что о нем сказать?.. Оно утратило связь с народом. Нет живой доверительной связи с народом. Была августовская вспышка подлинного доверия: казалось, навечно установится эта обратная связь: народ – правительство, правительство – народ. Всегда будет существовать доверие народа к своему руководству. Мы будем видеть по телевидению людей, которые исповедуются нам в трудностях государства, которые спрашивают у народа доверия, помощи... Да ничего нет! Мы опять в роли подневольных, до сведения коих доводят решения.

Мы своими руками... как это сказать... да так оно и есть: мы своими руками готовимся зарыть дело демократии, дело свободы. И сами, если сказать уже по-настоящему, по чести... сами готовим переворот. Сами готовим себе печальную и страшную участь. Ибо у народа нет другой защиты против разгула беззакония на всех уровнях. Нет на всех уровнях. Нет у народа защиты против разрушения государства и его национальной жизни.

Опомнитесь те, кто поставлен у власти. Вот это хочется сказать еще раз: опомнитесь те, кто поставлен у власти. Второго такого шанса построить свободное общество не будет. И на вас падет вина не только перед нами, но и перед всеми будущими поколениями.

Должен заявить о себе российский парламент. Он должен взять по-настоящему власть в свои руки. Встать у руля власти. И сберечь народ и свободу.

Несколько слов о верхушке демократии, которая сейчас пришла к власти. Она столь быстро и надежно утратила связь с народом, демократическим движением, столь плотно выросла в свои новые квартиры, кресла «членовозов» и «мерседесов», столь быстро отъелась в переносном и буквальном смысле, что ни одна демократическая одежда им не подойдет. Они слишком жирны, самодовольны для демократии, для этих самых одежек.

Существует такое слово в политическом обиходе: плутократия. С греческого «плутос» – богатство, «кратос» – правление. А вместе это означает: государство богачей. Так и у нас верхушка демократии с полным основанием может носить это наименование: плутократы. Только слово «плут» надо понимать в русском смысле: плуты – обманщики, то есть плутократы – власть плутов!! Ибо с демократией своего народа эти люди порвали и не имеют ничего общего. Они не демократы. Демократы служат не тем, у кого деньги, а народу. Вот так.

Много попреков в разноречивом поведении демократов. Общество не дает себе отчета в том, что демократы – это собирательное понятие. В ненависти к тоталитарной власти сошлись в один лагерь названные демократами и крайние националисты, и люди, далекие от политики, и подлинные демократы, и бывшие коммунисты, недовольные политикой верхов, настоящие и будущие предприниматели.

С победой в августе этого года демократическое движение распалось на естественные составляющие части, столь далеко отстоящие в политическом смысле одна от другой. Все эти части соединяло только одно: органическое неприятие тоталитарного строя. Так что когда теперь со всех сторон слышится: вот он демократ, он принадлежит к этому лагерю, а поступает так, а вот он тоже принадлежал к демократии, а делает так... Это – люди совсем других политических убеждений, не демократических. Всех этих людей соединяло одно: свалить власть партийной диктатуры. Но политические убеждения у всех очень и очень отличаются. И это необходимо сознавать. И когда валят вину на демократов за неудачи, здесь какая-то только часть вины, потому что в этом так называемом демократическом лагере людей демократических убеждений не столь уж много.

Я вынужден отказаться от поста председателя фонда социальной защиты Москвы. Почему?..

Чтобы достойно работать в этом направлении, я должен помогать людям. И помогать достаточно действенно. А это невозможно. Поскольку средства фонда распределяются централизованно сотрудниками государственного аппарата. Мое участие формально и по существу не нужно, лишено смысла... Помощи от средств фонда людям явно недостаточно, повлиять на это я никак не могу. Оставалось принимать дома поток людей в беде и горе. Все это тяжелым грузом легло на плечи моей жены. Она, как могла, утешала несчастных и помогала из наших личных средств. Но ведь это тоже имеет предел. А тут хоть бери к себе людей в дом, корми, ухаживай – это же невозможно.

Обязан отметить, что за время работы в фонде я встретился с подлинным благородством и самопожертвованием людей, причем небогатых. Они делятся последним, ухаживают из последних сил, пытаюсь создать маленькие группы по надзору за несчастными людьми. Это было дело, а не пустые разговоры. Мы тонем в пустых разговорах, понимаете?

Люди богатые отказываются помогать. Они иногда откупаются, это есть помощь. Но от тех средств, которыми они располагают, это ничтожная часть. Они просто откупаются. Вообще при всей беде этот вот разгул такого богатства (множатся они как снежный ком) и в то же время нищеты... ну как-то не вяжется... Посмотрите, что вокруг делается: эти фотомодели, красотки, которые получают контракты на миллионы долларов... – и тут же люди, которым нужен ну несчастный кусочек от этих денег, чтобы не умереть, целым семьям – чтобы не умереть!

Мне стыдно за наших буржуа-миллионеров, которые если делятся, то копейками, и вообще – за все то, что творится. Все эти программы по социальной защите, по существу, фикция, обман – не верьте! Это все обман! Потому что на эти деньги все равно не выжить. И готовится по-настоящему каиново дело по отношению к народу с повышением цен. Что будет?... Да просто вымирание!

Само по себе повышение цен не может произвести продукты, потому что их нет в стране. Сельское хозяйство их не производит в достаточном количестве. Повышение цен будет выглядеть как преднамеренная сознательная травля людей нуждой и очередями. Да еще при отсутствии лекарств. Ведь если бы это было в стране, где много продуктов, и вот создается рынок. За счет высокой стоимости этих продуктов они появляются на рынке, при этом возникает определенная конкуренция, цены начинают падать и прочее.

Здесь же механизм совсем другой. Повторяю: повышение цен будет выглядеть как преднамеренная сознательная, травля людей. Ни больше, ни меньше.

Не иметь продукты в стране и повышать цены – это скорейший путь уморить страну голодом! Опомнитесь! Останутся лишь биржевики, кооператоры и чиновники (бывшие демократы). Народ же поляжет с голоду. Вот существо этих реформ. Ибо выживут только те, у кого есть огромные деньги. Остальных повышение цен попросту уморит. И детей, и стариков не пощадит, и даже крепких людей.

Это уже сознательный удар по России! Это ее разрушение и убиение!

История выдала вам, господа демократы, мандат на строительство сильного свободного государства. Вы не уразумели смысла истории – и она вас этого мандата лишит. По-другому не сложится!

Сумерки демократии

«Куранты», 17 марта 1992 г.

Обстановку в стране определяют противоречивые процессы. С одной стороны, обваль- ный рост недовольства демократами, утрата ими активности, чувства правоты и симпатий людей. С другой – очевидное безразличие людей к политике, скорее даже отвращение: «А пропади все пропадом!» и совершенно явно набирает ход процесс сплочения правых сил – медленный, нерешительный, но неуклонный. Будущее таит в себе вероятность столкнове- ния нынешней правящей верхушки с правой оппозицией. С дальнейшим ростом цен (а он неизбежен при нынешнем курсе), появлением обширной безработицы, общим ухудшением и без того катастрофического положения народа схватка за власть представляется неизбеж- ной, несмотря на всю кажущуюся вялость людей. И, на мой взгляд, шансы у правых пред- почтительней. Вспомним, уже при голосовании за Б. Н. Ельцина (как президента) 12 июня минувшего года процент противников демократии маячил не столь далеко от отметки «50». За последние месяцы число противников демократии куда как возросло. Теперь уже боль- шая часть народа составляет опору правых сил. И это делает грядущее столкновение безна- дежным для нынешних властей. И посему выглядят они на своих местах как временные, причем выглядят довольно жалко.

Нет, люди знали, что понесет за собой переход к рынку. Здесь важно другое: реформы осуществлялись без учета «выживаемости» народа. Лепятся сугубо кабинетные решения – последствия не учитываются, но эти самые решения откладываются в сознании людей и не забываются. Через людей переступают, они мешают, они лишние.

Правительство и президент осмелились на то, чего не позволили себе и партийные хозяева страны, как бы им того ни хотелось. Под видом либерализации цен было в одночасье произведено изъятие вкладов – всех денежных сбережений народа. Никто не спасся, кроме крупных дельцов. В нищих была обращена вся страна разом. Это, конечно, исключительно «сильный» ход. По сравнению с ним разные там павловские обмены купюр – откровенно детские шалости. Демократия тут сразу заявила о себе как о величине неведомой в россий- ской истории. Надо – превратим в нищих, а надо – и вовсе заморим.

То, что творится, вынести обыкновенный смертный не способен, Это превышает его возможности, однако планируется новая либерализация цен (по топливу), за которой цены готовы снова подскочить, и значительно. Это весьма смахивает на сумасшествие, что в общем и понятно, ведь «второй сильный человек страны» – Г. Э. Бурбулис – неоднократно повторял, рисуясь «демократической» решимостью (решимостью решать задачи за счет бла- гополучия и жизней других), что мы это сделаем, несмотря ни на что, российское прави- тельство в отставку не уйдет. И правильно – что вам до людей, постройте капитализм за счет измочаленного поколения да на развалинах, точнее, остатках государства – и будете в героях: во как пропороли – и не свернули! И еще из-за кордона вас похвалят (вы на это сверхчутки).

Разве суть в том, делать реформы или нет? Какие тут могут быть сомнения? История решила это без нас.

Мудрость в том, чтобы рассчитывать замах реформ по возможностям народа, всех его слоев, а не только «правлящего слоя демократии» с его сверхиндексированной зарплатой и правом распоряжаться народной собственностью. Народ обобран. Следовало самым основ- ным правилом считать участие во всех делах народа. Следовало вовлечь его в процесс при- ватизации главным лицом. Дать то, что принадлежит ему по праву. А народ выброшен из своего же дома. Делят этот дом, мебель, одежду и все-все, а он стоит в стороне и дивится наглости пришельцев. Глумление над народом – вот как можно назвать нынешнюю прива- тизацию. Народ не осознал своих прав, народ сбит с толку, народ нуждается в защите, а его,

пользуясь моментом, уже обируют навсегда, превращают в нищего и просителя в своем же доме. И это нужно поощрять?..

Напрямую от этого зависит и характер реформ: народ – пассивная, покорная масса, им можно пренебречь. Это пренебрежение, переходящее в презрение, и заключено в сути и темпах реформ. Плевать, что будет с людьми, эка важность! Самое важное – собственность! Вырвать ее, присвоить, подкупить, но взять; обмануть, подпоить, но получить свой жирный кус!..

На мой взгляд, реформы идут, что называется, колом по ряду причин, среди которых, несомненно, присутствует и высокомерие, свойственное невежеству. Им как бы клеймены российские власти. С высокомерием рука об руку вышагивает и некомпетентность или, как об этом писали в совсем недавнем прошлом, – «профнепригодность». Просматривается и саботаж (дабы разъярить народ, что на руку определенным силам, мечтающим о перевороте). и уж вовсю, простите за грубое выражение, прет пренебрежение народом, презрение к нему: эта рабочая масса и не такое вынесет, помучается, понесет потери – ну, так не без того.

Разве допустимо гнать реформы в таком темпе и с таким замахом? Разве не очевидно – народу они в надрыв? Разве не относятся к «азам» политической мудрости такие меры, которые по возможностям народа? А вы его в прямом смысле гробите – и гордитесь своей железной твердостью сие проделать. Вы цинично эксплуатируете безмерную усталость и надорванность народа. Его молчание вы принимаете за одобрение своей политики.

В обескровленной, многонациональной, обнищавшей стране, надломленной и сбитой с толку, допустимо лишь осмысленное движение, а не слепое следование программе.

Без урегулирования отношений «на земле» переход к рынку нереален. И здесь вы безнадежно отстали. Будет постоянно существовать недостаток продуктов, дороговизна и, как следствие, политическая нестабильность.

Президент и правительство отмечают запутанность, сложность аграрных отношений, саботаж своих усилий в стремлении распутать этот узел – и все. Руководство страны не в состоянии с ним справиться и сдает позиции, обрекая народ на смертельную нужду.

Как бы ни был запутан крестьянский вопрос, распутывать его надо и преодолевать саботаж – надо, для этого президент и наделен чрезвычайными полномочиями.

Правительство и президент (теперь это проглядывается четко) приняли программу строительства новой экономики ценой если не гибели, то надрыва и тяжких болезней целого поколения. Без достаточной еды, еды к тому же предельно однообразной, лишенной питательности, без витаминов, зелени, люди становятся жертвами различных болезней. Но и тогда им нельзя помочь, ибо лекарства отсутствуют. А уже на очереди безработица, новая зима – сколько их можно выдержать?..

Переход к рынку сопровождается невиданным ожесточением: никому ни до кого нет дела. В обществе как бы присутствует негласная договоренность о том, что пожилые вымрут, больные – тоже полягут. Ф что делать? Перешагнуть и топтать дальше... *Пещерная договоренность, пещерный рынок, пещерная демократия.*

Реформы необходимо проводить с такой глубиной, размахом и темпом, чтобы не сломать хребет народу, чтобы не довести его до физического вырождения, подрыва основ государства. Упорство в следовании кабинетным схемам здесь не столько признак убежденности, сколько отсутствие элементарного чувства ответственности (и человечности – тоже). «Наши» демократы оздоравливают экономику подрывом здоровья всего народа, исключая ничтожную верхушку богачей и законодателей.

7 марта депутат Шахрай, надо полагать, обессилев в борьбе с коррупцией, сообщает нам в телеинтервью: для пресечения лихоимства надо государственного служащего (подразумевается и депутат – он же рядышком с государственным служащим) снабдить «недосягаемовысокой зарплатой». Зрители услышали – и задохнулись: все, выше уже не подняться!

Это поразительно! Одному из главных «законников» страны и в голову нейдет, что «недосягаемо высокая зарплата» тоже есть лихоимство, но уже от имени государства, то есть одна из форм преступления против народа от имени государства. Это тот же грабеж казны, но уже под сенью закона, от его имени.

Печально и жутковато, если российская власть очерчивает свое будущее как типично стяжательское, нечестное. К сожалению, это сплошь и рядом у российских властей: статьи, законы на студенческих скамьях усвоены, а вот с гражданским сознанием и совестью – «черная дыра» (точнее бы, «черный карман»). органы для подобных чувств как бы отсутствуют от рождения (вернее, с 21 августа 1991 г.). да неужто непонятно: форма присвоения труда народа посредством непомерно высоких ставок и всевозможных льгот – одна из причин падения власти КПСС и презрения к ней. Но вы, надо отдать должное, держитесь крепко, вас не собьешь: от «корыта» не откажемся, оно наше, по наследству приняли...

Коррупция поразила новую систему, да с силой, о которой старые властители лишь смеют завистливо вздыхать. Эта новая власть замарана ею едва ли не до самых верхов – страна толкует об этом в открытую. Взятки, корыстное использование служебного положения, обман... и всему этому придается окраска некоей законности, якобы без всего этого сейчас нельзя, и вообще это особенность России. Таким образом, коррупция ложится уже в основу государственного правления, грозя превратить государство в типично мафиозное, связанное лихоимством, неправым делом, обманом, взятками. Заявления о борьбе с коррупцией ничего не стоят (да и нет такого прямого закона), это лишь бравада, болтовня. Все, кто способен, присваивают. Происходят ограбление народа и одновременно растление его от имени государственной власти. О каком единстве демократии здесь толковать? Разве оно возможно на платформе хищничества и коррупции? Демократию разложили ее же лидеры – это уже факт исторический. Разложили – и швырнули под ноги, как тряпку. И вся демократия, как по команде, стала вырождаться, меняя цвет на черноуголовный, вся она изошла прежде всего на удовлетворение личного тщеславия. Именно поэтому на заборах красуется лозунг: «Лучше партия, чем мафия!» Это характерная черта демократии: нарушение законов на всех уровнях. Страна превращается в общество без закона.

Если наши демократы высших степеней отличия выбрали коррупцию как естественную форму существования государства, мы не желаем жить в государстве официальных воров. И здесь произойдет одно из самых крупных столкновений общества с верховной властью.

Переход к рынку сопровождается национальным унижением по всем направлениям (для недовольных уже придуман ярлык: «национал-патриоты»).

Русских людей подавляют в Приднестровье, а Москва молчит: так и нужно. Будто ни президент, ни наш Белый дом не ведают, отчего в Приднестровье оказались русские и что им нынче делать, коли они не хотят стать румынами. Как автономное образование Приднестровье имеет право на существование.

Национальное унижение не могло не коснуться телевидения. Иначе нельзя назвать ряд передач. Кто только не поучает Россию с экранов – люди случайные, порой необразованные, пустые. А мы поневоле вынуждены слушать, а как же – плюрализм мнений! Но ведь это не плюрализм мнений, а свинство. Господи, кто только не унижал Россию за эти годы развязными поучениями!.. И здесь торжествует принцип голой наживы. Барыш определяет все, не существует больше иных ценностей на свете.

Под видом перехода к рынку ширится погром российской культуры: закрываются театры, бедствуют студии, влачат жалкое существование музеи, терпят крах издательства... Но ведь народ без культуры – это рабочая сила, не больше. И все это – превращение нас в народ без культуры – творится преднамеренно. Ведь не заметить кризис культуры и состояние искусства невозможно.

Дети наши брошены, и школы превращены в вертепы. Это тоже наш счет.

Один из самых сокрушительных ударов нанесен по интеллигенции – носительнице знаний. Этот удар особенно губителен и опасен. Пока произойдет переход на рыночные отношения, российская интеллигенция перестанет существовать, ибо она не в состоянии защитить себя в разбойных условиях наших «джунглей». Жить наукой, литературным трудом, театром, живописью... стало невозможно. Книги вытеснены хламом, назвать его книгами не поворачивается язык. Торжествуют примитивные инстинкты: секс, культ силы, нажива, «пиф-паф»... Барыш становится оправданием всего и единственным смыслом и украшением бытия.

Как не понять, что без помощи государства интеллигенция рухнет – тогда общество превратится в сборище торгашей и рабочей силы. Никогда меценатству не решить вопросы развития культуры, тем более в переходный период, когда нет предпринимателей, а в наличии один разбой, хищничество и глумление над законом.

Нельзя слепо следовать переходу к рынку. К примеру, ошибочно было бы отказываться пока от государственного телевидения, хотя бы одной или двух его программ, ибо слишком велико разведение национальных устоев, засоренность информацией, исключительно низкое качество передач. Народ настолько ослабел, настолько сбит с толку, настолько потерял ориентиры, что нуждается в защите. Агитация и пропаганда в стране не отвечает интересам народа. Она обслуживает интересы определенных политических группировок, скорее смахивающих на мафиозные кланы.

Общество обмануто и несостоявшимся процессом над зачинщиками августовского путча. Оправдают их или нет, но суд должен состояться. Он был клятвенно обещан. Но народ, как всегда, обманут. В этот раз обманул президент. Вопрос: по какому праву?..

В последнее время правительство доказало, что все же поддается давлению общественности, приняв кое-какие требования ее, выражаемые через газеты. Однако принятие решений по данным, по-настоящему жгучим вопросам свелось к формальности, для успокоения общественности.

Российские власти спекулируют на своей «единственности»: мол, после нас будет такое! Что будет «такое!» – это почти точно. И что демократии в лице нынешних его высоких представителей дан единственный шанс в истории государства – тоже так. Но ведь демократы сами сделали все, чтобы сделать подобную перспективу реальностью.

И никто другой – они сами погребли идею демократии. И кто это сделал, можно перечислить поименно, и история это не забудет произвести.

Что Россия разочарована в своем главном лидере, не говоря о «подлидерах», – факт непреложный. В открытую идет разговор о замене его другой, сильной личностью. И это тоже характерная черта момента. ИЭ это факт: народ не признает правительство своим. Он смотрит на него как на чужеземных захватчиков.

Именно это правительство разрушило армию, ее дух, осквернило боевые знамена, открыло двери для шельмования русской нации. В грязь втоптанно все святое. Реформы же проводятся так, что народ отстранен (он даже не успел понять своих прав), и на одном полюсе кучка сверхбогачей, а на другом – весь народ, и не народ, а голь перекатная.

Я писал о ростках этого еще в июле минувшего года, до путча.

Писал с горечью и недоумением об ошибках президента, несоединимо расколовших демократию. Ни одна газета не брала статьи. Удалось лишь протиснуть кусочки, да и то изрядно подправленные редакторами. Такова демократия. Общность наживы, угодничество и послушание кормят, а на народ, страну – плевать!

Рынок в исполнении так называемых демократов предстает делом сугубо порочным, безнравственным и антинациональным – откровенным разрушением и разграблением страны, причем невиданным в отечественной истории. Фактически произошла сдача всех

наших государственных и национальных позиций и традиций. Мы представляем собой страну разбитую и разгромленную. У демократов имелся шанс спасти родину. Демократия предала ее (вернее, верхи ее; как это ныне выяснилось, не имеющие к ней ровно никакого отношения). Мы не уберегли Россию.

Страна причалит к рыночным отношениям при любых законах, даже самых порочных, – и новая система заработает. Весь вопрос – какой ценой? Государство и поставлено, дабы эта цена не явилась чрезмерной, то есть потери – наименьшими из допустимых. Мы же проскребываемся по пути наибольших затрат и потерь, то есть государство во главе с лидерами, причисляющими себя к демократам, не исполняет роли организатора экономики, сильного и умного руководителя.

Правительство теряет власть над страной, и решения его, как и парламента России, постепенно ограничиваются лишь бумажными отписываниями. Наблюдается горбачевски знакомая картина: потеря контроля над решениями, превращение их в пустые бумаги... утрата контроля над страной... утрата, сдача власти, авторитета власти... сползание к анархии... крутой набор «мускулов» оппозицией (теперь уже правой).

Дальнейшая либерализация цен угрожает новым значительным подорожанием. Власть явно выжимает переворот из общества. Народ измучен, устал, а его упорно будят, трясут: «Пора, берись за дубинку!»

Иначе как провокацией назвать политику российских властей нельзя. Из народа силой выколачивается переворот – так вести дело тоже надо уметь. Да, власть нуждается в коренной перестройке. Да, парламент России, как и Съезд, не отвечает требованиям истории и не в состоянии управлять страной. Да, демократия в исполнении нынешних ее лидеров обанкротилась. Нужны новые руководители, не смена вывесок, а новые люди, ибо нынешнее руководство страны ведет ее к национальной катастрофе – распаду и гибели самой России.

Россия принадлежит нам – и это наше слово последнее. От него мы теперь и ведем свой счет.

Гроб напрокат

«Правда», 13 мая 1992 г., № 67 (26821)

Мы кроваво-натужно лезем из той глубоченной ямы, в которую вгорячах и столь трагически заехали 70 с лишним лет назад, но куда лезем, а главное – как? Легких ответов нет. Люди это знают, но под видом неизбежных трудностей на них обрушиваются произвол и грабеж. Однако говорить об этом нельзя: ты не умеешь терпеть. Что терпеть – разгром государства, ограбление народа?

Не вызывает сомнений: неторопливое, обдуманное движение в реформах не обернулось бы таким сокрушительным распадом хозяйства и холодно-жестоким ударом по народу.

У тех, кто обогащается на реформах, стремление идти с возможной быстротой. Им богатство в радость, остальное их совершенно не занимает и не трогает. Это бесчувственный класс стяжателей. Свое богатство он вырывает из живой плоти людей – всего народа. Перекормленный, наглый, сытый, он все гребет под себя, хапает, ворует – и набивает свою машину, набивает...

У тех, кто из-за реформ потерял последнее, кого беззастенчиво и бесстыже обирают, желание затормозить движение, даже вовсе от него отказаться.

Ответ на характер движения, характер реформ находится, пожалуй, где-то посередине между этими двумя точками зрения, поскольку сами реформы жизненно необходимы, обусловлены крахом социалистической системы хозяйства, но вот весь вопрос в том, во что этот переход на новые принципы экономики превратили... Нужно спокойное, вдумчивое движение к цели, отсекающее разгул хищничества, спекуляции и преступную распродажу национального достояния. Это рассчитанное, размеренное движение сохранило бы оборонный потенциал, саму армию и сотни тысяч жизней, потерянных в головоломном беге к «рынку». Мы слепо берем за образцы чужеземные модели, нами распоряжаются Международный валютный фонд, высшая американская администрация и еще Бог знает кто. Это и унижительно, и, в общем-то, преступно. Преступно по отношению к народу, с которым совершенно не считаются, – режут реформами по живой плоти. Никто не бережет страну, самобытную, ни на что не похожую. Идет ее разграбление, растаскивание. Народ окунается в грязь – его окунают, разве это не грязь: выжить на заработок нет возможности.

Если сам не ворует, не имеешь доли от грабежа страны – прожить почти невозможно. Сейчас вся Россия работает на спекулянтов, воров и взяточников.

Это результаты непродуманного, слепого копирования. Демократы взяли за образцы чужеземные модели, не обращая внимания на особенности нашего государства. Ведь оно свыше 70 лет находилось в абсолютно иных измерениях. А главное – следовало сберечь народ: ведь в новых условиях он оказывался беззащитным, неприспособленным к жизни, особенно те, кто старше сорока.

Да, преобразование экономики идет полным ходом, но в чьих интересах? Ведь всякая реформа государства должна осуществляться во благо народа. А именно народ и забыт, о нем и не толкуют, очень боялись, что он поднимется после обвального повышения цен. Боялись съезда. Нет, ничего не случилось. И погнались реформы дальше. Молчание народа делает действия властей беззастенчивыми.

У нас отсутствует класс предпринимателей. Тех, кто за него выдает себя, нельзя к нему причислить. Образно говоря, они торгуют воздухом – они ничего не создали и не создают, их удел – посредничество, то есть присвоение результатов чужого труда. Об этой посреднической роли нашего предпринимательства кто-то образно заметил: это посредники между трудовым человеком и его карманом. Иначе говоря, это – перекупщики разного рода или откровенные спекулянты. Народ жестоко обирается спекулянтами, которых выставляют как

российских предпринимателей. В нашей реформе отсутствует частник. Его нет. Либерализация рассчитана на «рынок». Смысл «рынка» – частник, а его нет. И получаются одна спекуляция, один разор страны. И невиданные хищения.

Руководители страны (большие и малые вожди демократии, хотя какая это демократия? Партийная номенклатура решила стать образцовым «капитализмом» и занялась привычным – взяточничеством и присвоением, теперь уже без всякой меры) принимают неизменность своей линии за доблесть первопроходцев, волю единственно посвященных и единственно видящих историческую перспективу, великих врачевателей России. Незряче, с широко открытыми глазами (и очень часто почти все и всегда – с более чем широко открытыми карманами) они шагают в будущее, о котором узнали из рассказов иностранцев, – своего в подходе к реформам у них ничего нет, кроме живодерской бесчувственности к людям, этого у них сверх меры.

А народ жмется в сторонке, ждет судьбы. А чего ждать – и так все ясно. Быть ему без копейки, быть простой рабочей силой. Ничего другого и быть не может – только служить рабочей силой и зависеть целиком от тех, кто без права, но по закону (об этом позаботилась администрация демократов) присваивает плоды труда народа, да и не в одном поколении. Все и все светлое завтра.

Вот как это может быть? Работали все люди, создавали ценности: дома, дороги, каналы, заводы – а покупает один, два? А все, кто это создал? Они, выходит, ни при чем?

Именно такой характер носят реформы. Народ в них выступает в роли ограбленного. Народ не ведает ничего о том, что происходит. Его не стали просвещать на сей счет – просто оповещают, чтобы вовремя сматывался из домов, цехов, поскольку это уже продано.

Народ умышленно держат в неведении о механике реформ, его правах, дабы после заявить: «а всем было предоставлено право покупать». В том-то и дело, что не всем! В том-то и дело, что народ отстранили и стали продавать тем, кто давал огромные взятки, особенно в валюте! При чем тут народ? Выкладывай деньги – и забирай. Но ведь продают то, что создал народ, что составляет государственную собственность, плоды труда не одного поколения людей. Так и владеть этим должны люди. Им надлежит объяснить, в чем их права, какая собственность может существовать, как. Приобретают те, кто от веку ничего не делал, кого народ презирал, как трутней. Натуральными трутнями и были.

Идет торг, но подло, за спиной народа. Люди могут владеть собственностью коллективно – тут допустимы разные варианты. Но никто не хочет и не станет объяснять это, ибо с народа не взять взятку. И собственность отбирается у народа, а он, который построил государство, защищал, посажен на цепь и молчит, цепь? А это хищнические законы, которые нашлапала новая российская власть, это подлая практика продажи собственности без участия народа. Это самая прочная и надежная цепь. Она склепана для того, чтобы все можно было спустить за взятку, содрать процент с каждого проданного объекта, а так как этих объектов сотни тысяч, то и доход превращается в водопад долларов, марок, франков, фунтов. После нашей сверхкровавой истории, надругательств, всего пережитого, всей неземной надорванности народ остро нуждается в защите. Эту роль должно было сыграть государство, то есть президент, правительство и парламент, а они предали. Народ ошельмован, сбит с толку, обманут и предан. И предали его вожди демократии, навсегда связав в памяти народа это понятие с предательством и грабежом.

Надо было объяснить, как коллективы, то есть народ, могут приобретать свои заводы, цехи, мастерские, конторы, спортивные залы. Это прямая задача и забота государства. Государство и существует, чтобы защищать того, кто держит страну на плечах и всех кормит. Но с самого начала было задумано иначе, как ограбление – это сулило миллиардные барыши. Ведь с торгов пущено гигантское государство со всеми потрохами. Дабы операцию провести

чисто, разрушили армию, разведку, разложили судебную и прокурорскую власти. И взялись грабить.

Вы, нынешние демократические правители, кричите о красно-коричневой опасности. Но вы именно те, кто своим трудом по разрушению государства и ограблению народа делает для этого все. Именно вы своим оголтелым хищничеством, неумной жадностью растравляете народ.

Вы лицемерно призываете нас терпеть. Но чего ради? Чтобы пришельцы взяли то, что они не создавали? Чтобы небольшая часть населения без помех присваивала собственность и труд всех? Неужели у вас, господа реформаторы, не сверкнет, что первым в реформе должен быть народ?

Тогда кто же вы?

Под лживыми суждениями о первоначальном накоплении капитала происходит самый настоящий разбой. Президент в речи на съезде посулил пай каждому гражданину. Вспомнил, когда народ превратили в нищего. Да и что вы дадите за пай, какая вам теперь вера? Народ, ошельмованный, обобранный, сидит в стороне и не может сообразить, что же творится. Это ведь его дом, его имущество делят.

Пай!.. Все разглагольствования о пае отныне с единственной целью – сбить взрыв негодования. Но, кажется, народ и это стерпит. В таком разе можно опять о пае и призабыть.

И вся ваша социальная защита – мыльный пузырь. Вы даете на грош, а прикарманиваете на тысячи. И благотворительность ваша тоже притворство. О ней можно сказать словами Джека Лондона: отнимаете доллар – возвращаете цент. Поэтому великий писатель и презирал благотворительность вообще – это подачки грабителей, обчистивших дом, людей, а после сунувших им в ладошку медный грош. Но вам и этого мало. За жалкий грошик вы требуете, чтобы вас славили, вам кланялись... В Москве, почитай, все распродано: люди и сообразить ничего не успели. Так и задумано. Потому что с трудящегося не сдерешь «комиссионных», взятки – и все спускают под рассуждения о благе приватизации. Народ только моргает, ничего не понимая. А и не нужно понимать. Никто и не заинтересован в том, чтобы он понял и принял участие, поскольку от коллективной собственности ничего в карман не положишь. Произошло стремительное ограбление людей. Невесть откуда напозднее спекулянты скупили, растащили склады, особняки, строения.

Для мэра народ – что окуроченная мостовая. В крайности назначит надбавку к пенсии или там облегчит проезд. Кинет кость, а хищникам... город. Огромный город!

Высшие московские власти и домогались сверхполномочий, чтобы единовластно раздать богатство города – дома и т. п., словом, недвижимость. Они еще до приватизации знали, что такое раздача помещений, какие это капиталы и чем это оборачивается. И встали тесной, сплоченной группкой у торгов – с торгов шел целый город, о таком еще слыхом не слыхивала мировая история...

В воздухе повис клич: грабь, бери, хватай, лишь подмажь, дай в лапу – все твое! Твое! И рассыпался город по карманам, будто и не существовал. Да, да, именно потому и развернулась такая борьба за власть вокруг поста мэра и к нему примыкающих – на сотни должностей. Знали, чем это обернется.

«Рынок» как величина самостоятельная проявил себя на российской земле как ненасытный грабитель и хищник, которому принесена в жертву страна. Народ отодвинут. Конечно же, это естественно – это первоначальное накопление капитала. Уяснили?

Верно, чтобы выглядело все это убедительно, придали грабежу и хищничеству наукообразность. Первичное накопление капитала и т. п. да лихоимство это! У человека вытягивают из кровати простыню, перехватывают кусок хлеба изо рта – и это первичное накопление капитала? Этому одно название есть и будет: ограбление всего люда под сенью и охраной государства, что означает – это государство той же грабительской сути.

А ежели человек не участвует в дележе России (а это почти весь народ), – значит, нет в ее богатствах его труда, труда его отца, деда, детей? Значит, неси задарма нужду от либерализации цен, нищай... И это справедливое переустройство России, господин президент?

Вся эта реформа, безусловно, нужная, сработана, однако, на беспредельной несправедливости (у людей отняты итоги их труда), беспредельной лжи и демагогии. Люди кипят обидой и болью. Вы это не слышите.

Закон утратил силу. И это понятно: приватизация обрела откровенно уголовный характер.

Собственность приобретается на воровские, мафиозные средства. В свою очередь навстречу новым хозяевам устремляется администрация (от самого верха и до самого низа), требуя взятки. Ширится распродажа народного государства, народной собственности.

Пусть за нашей спиной социалистическое прошлое, мы от него отказались, но из этого не следует, что то государство возникло Божьим духом. Его худо-бедно строили, создавали люди. Все вокруг – это народная собственность, труд и пот народа.

Ссылаются на неудержимость взяточничества. Ну иначе и быть не может. Это единственное в своем роде время, когда на торгах целое государство, с молотка продаются города, улицы, земля. Ну как не погреть руки. И вся администрация вкупе со своими титулованными начальниками продает эту собственность как свою, получая невиданные взятки, невиданно обогащаясь.

Не вызывает сомнений, что при таком повальном грабеже все 100 процентов иностранных займов уйдут в руки хищников, грабителей, титулованных воров, а народу в очередной раз представят право расплачиваться.

Демократическая печать обслуживает только интересы правящей группировки демократии. Эти газеты все, как одна, отказывают в публикациях критического толка. Фактически это запрет на независимое суждение.

Или печатай в лад, или ступай прочь. Постепенно закрылись все двери редакций и передо мной. Однако «в лад» я писать не собираюсь. У меня 30-летняя выучка писать о том, что волнует, тревожит, а не угоднольстивые фразы.

Авторы статей, наподобие этой, выглядят недоумками – и в самом деле: писк, треп о каких-то правах, морали, справедливости – да смеются над ними те, кто организовал распродажу страны. Каждый миг к этим торговцам сотнями невидимых путей стекаются миллионы за миллионами. Нет, не в рублях, а в благородной валюте. А продавать им есть что. И самое важное: никто с них ни за что не спросит, не проверит. И от этого они наглы вдвойне, втройне. Ведь все сработанное прежде стало их собственностью – их, хозяев торгов. А на торгах вся недвижимость – страна, города... Не было еще такого в мировой истории.

И еще лицемерный факт. Вдруг с трибуны съезда слышим из уст президента: мы прощались на последствиях реформ для бедных слоев.

Чистой воды неправда. Не то, что последствия оказались тяжкими, а то, что прощались. Вы все просчитали, все знали. Только вы на своих избирателей смотрите как на средство, быдло, массу. Вы вообще не думаете о народе.

Полгода о неизбежных последствиях реформы для бедных слоев народа (а теперь весь народ беден) писали и говорили десятки людей. Что нужно, дабы услышать? Да ничего, поскольку слышать никого, кроме себя, вы не хотите. Нет, еще Вашингтон и Международный валютный фонд – вы их не просто слушаетесь, а стоите в лакейской позе: надо не только словечка не пропустить, но и вообще понравиться. Избранники народа...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.